

ПОЛТАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

1864 года. № 15. Августа 1.

ПОУЧЕНІЕ

И СКАЗАННОЕ ВЪ ЦЕРКВИ ПОЛТАВСКАГО ИНСТИТУТА
ПРИ ВЫПУСКѢ 1864 ГОДА, 31 МАІЯ.

Настави, мя, Господи, на путь Твой, и пойду во истинь твоей. Псал. 85, 10.

Такъ молится душа вѣрующая при всѣхъ значительныхъ перемѣнахъ, какія случаются въ жизни. Такъ молились за васъ родные ваши — отецъ и мать предъ началомъ вашего воспитанія. Сами вы, быть можетъ, не произносили молитвы; но сердце ваше чувствовало ее. Вы уѣзжали изъ дому со слезами. Неразъ плакали и тутъ, пока дѣтскія души не раскрылись для привѣта и ласки подругъ; для любви и попеченія воспитательницъ. Время отъ времени пребываніе ваше здѣсь становилось пріятнѣе; — сознание раскрывалось, приобрѣтались познанія, раждались новыя привязанности. И вотъ, то мѣсто, куда поступали вы съ смущеніемъ и боязнію, въ настоящее время такъ любезно и дорого вамъ, что вы не можете разстаться съ нимъ безъ волненія душевнаго. Грустное это чувство! — но оно доб-

рое, прекрасное чувство .И мы, относясь къ нему съ полнымъ сочувствіемъ, посовѣтуемъ только возвысить и освятить его благодарностію Богу за ваше прошедшее и преданностію всеблагой волѣ Его въ вашемъ будущемъ.—

Настоящая пора есть грань, раздѣляющая жизнь вашу на двѣ части, неодинаковыя по своему продолженію, а еще менѣе сходныя по характеру. Первая—спокойное и беззаботное дѣтство. Его охраняли постоянное вниманіе и наблюденіе; руководили опытная попечительность и забота, оживляли нѣжное участіе и дружба. И все это было и прошло.

Уроки воспитанія кончились; начинаются уроки жизни.—
—Вы оставляете школу и вступаете въ свѣтъ. Но что представляется въ этомъ свѣтъ?—Ничего яснаго и опредѣленнаго; многое обманчиво и суетно; все непостоянно и измѣнчиво. Открываются разнообразныя пути; но не указывается, который изъ нихъ лучше выбрать; не предоставляется даже выбирать самому по желанію; а требуется только умѣть самому держаться на всякомъ, какой достанется.—
Предъ такую дѣйствительностію нельзя не остановиться въ раздумьи. Но, вспомните слова Спасителя нашего: *да не смущается сердце ваше*. Онъ сказалъ слова сіи не однимъ Апостоламъ, а всѣмъ послѣдователямъ своимъ, вступающимъ на подвигъ жизни. Васъ ожидаетъ не одинаковая доля. Жребій каждой изъ васъ будетъ имѣть свои особенности, свои отгѣнки. Но въ какомъ-бы нибылъ кто положеніи; одна только внѣшняя сторона его опредѣляется посторонними обстоятельствами. Главная же внутренняя жизнь—ваши убѣжденія, правила, поведеніе зависятъ отъ васъ самихъ. *Царствіе Божіе внутри васъ есть*, говоритъ слово Божіе. Сіе-то сокровище души вашей обязаны вы хранить отъ всѣхъ суетныхъ и опасныхъ вліяній. Средство къ тому всегда и для

и всѣхъ единое и единственное — это свѣтъ Христовъ, безъ котораго нѣтъ жизни въ душѣ; нѣтъ души въ жизни.

Обратитесь же въ эту знаменательную пору вашей жизни къ сему тихому, животворящему свѣту; и съ вѣрою въ душѣ, съ любовью въ сердцѣ помолитесь Отцу небесному: — *Настави мя, Господи, на путь Твой, и пойду во истинъ Твоей; и на стезяхъ жизни, идите путемъ Христовымъ, путемъ Евангельской истины рѣшительно и твердо. Есть и лишенія и скорби; на этомъ пути; но зато есть на немъ и спасительныя утѣшенія, есть вѣрная надежда, есть несомнѣнная помощь. Если вы пребудете во Милъ, и слова Моисъ васъ будутъ вамъ. Кто, кромѣ Спасителя, можетъ сказать намъ такое отрадное слово! — Не оставлю васъ сиротами, продолжаетъ Онъ, прійду къ вамъ. О, не оставляй же этихъ юныхъ дѣтей, познавшихъ Тебя, Пастырю добрый, будь всегда съ ними! — Освящай ихъ радости, предостерегай отъ ошибокъ, удаляй отъ опасностей, ободряй въ трудахъ, вразумляй въ затрудненіяхъ. Научай ихъ быть умѣренными въ желаніяхъ, осторожными въ дѣлахъ, невинными въ поступкахъ, воздержными въ удовольствіяхъ, скромными въ счастіи, мужественными въ испытаніяхъ, уповающими въ терпѣніи, твердыми въ вѣрѣ, вѣрными въ благочестіи. Прійди къ нимъ и благослови ихъ, да во свѣтъ лица Твоего пойдутъ и да не воспититъ никто ихъ отъ руки Твоея.* Іоана X. 28.

Сими молитвенными благожеланіями на путствуютъ васъ всѣ, участвовавшіе въ вашемъ воспитаніи; а въ особенности тѣ, кто ближе другихъ слѣдилъ за развитіемъ душъ вашихъ, съ участіемъ наблюдалъ за вашимъ здоровьемъ и охранялъ чистоту вашего сердца. Все, относящееся къ вамъ, близко душъ ихъ. И, хотя въ образованіи и поведеніи вашемъ есть

основанія для свѣтлыхъ и отрадныхъ ожиданій въ будущемъ; но желанія и заботы любви не прекращаются и тогда, когда, исполняются надежды, а измѣняются только въ славословіе и благодарность за счастье своихъ возлюбленныхъ.

Вы удаляетесь отсюда, какъ дѣти отъ родной семьи. Съ вами и расстаются какъ съ дѣтьми. Память о васъ и любовь къ вамъ останутся здѣсь навсегда. Что ни случится съ вами въ жизни, отзовется здѣсь въ сердцахъ любящихъ васъ искреннимъ и горячимъ сочувствіемъ.

И тогда, когда были мы вмѣстѣ; и теперь, когда расстаемся; и всегда, и на всякомъ мѣстѣ предаемъ васъ покрову и заступленію Божіей Матери и молимъ Господа даровать вамъ въ жизни Ангела мирна, вѣрна наставника, хранителя душъ и тѣлесъ вашихъ. Аминь.

Протоіерей Антоній Ромашкевичъ.

Некоторые соображенія о средствахъ къ устройству и болѣе пригодномъ мѣстѣ, въ которомъ можетъ быть устроено училище для дѣвицъ духовнаго званія Полтавской Епархіи.

Есть правило житейскаго благоразумія—меньше говори, больше дѣлай. Относительно устройства епархіальнаго нашего училища для дѣвицъ духовнаго званія, мы, кажется, нарушаемъ, въ обоихъ положеніяхъ помянутое правило, т. е. мало говоримъ и ничего не дѣлаемъ. Отъ чего это? не ужели училище для образованія нашихъ дочерей не нужно? Правда, благоразумные и благопечетельные родители многому могутъ научить дѣтей своихъ и дома, но домашнее наученіе крайне недостаточно и можетъ служить только приготовленіемъ къ училищному, а замѣнить его вовсе не можетъ. Скажутъ: есть много училищъ, для дѣтей женскаго пола, свѣтскихъ. Но кто скажетъ, что воспитаніе нашихъ дѣтей въ этихъ училищахъ доступно для нихъ при скудныхъ средствахъ ихъ родителей? Не говоря о пансіонахъ высшаго разряда, содержатели пансіоновъ, устроенныхъ на правахъ приходскихъ училищъ едва ли мнѣе ста рублей въ годъ согласятся взять за обученіе дѣвочки. Доступна ли подобная плата для священника, котораго денежный приходскій доходъ, включая и жалованье, можно опредѣлять въ 250 руб. и который одного, а не рѣдко и двухъ сыновей воспитываетъ въ другихъ училищахъ, или же въ семинаріи? Къ платѣ за ученіе присовокупите разныя требованія пансіонскія,—то форменныя платья, то извѣстнаго покроя и сорта обувь, то столовое бѣлье, то серебрянную ложку... и вы поймете, что пансіонское образованіе—не по средствамъ каждаго изъ насъ. А что сказать о духѣ и направленіи ученія въ свѣтскихъ жец-

скихъ учебныхъ заведеніяхъ? Самое названіе — свѣтскихъ — показываетъ, что составъ наукъ и направленіе образованія въ нихъ вовсе не приспособлены къ быту сословія духовнаго. Большинство служащаго церкви духовенства имѣетъ въ виду выдать въ замужество своихъ дочерей за будущихъ приходскихъ священниковъ, а потому и желало бы дать имъ образованіе такое, какое вполне было бы сообразно съ будущими ихъ обязанностями. Жена приходскаго священника — мать семейства, домовитая хозяйка — должна быть ближайшею и усердною помощницею своему мужу и въ исполненіи нѣкоторыхъ обязанностей его служенія. Ея прямой долгъ — раздѣлять труды своего мужа при наученіи грамотѣ дѣтей его прихожанъ. Дѣвочки, обучающіяся въ приходскихъ школахъ, должны обращать на себя особенное ея материнское вниманіе. Не менѣе грамоты для нихъ нужны — знаніе женскихъ работъ, навыкъ къ дѣламъ хозяйственнымъ, нужно руководительство къ доброй христіанской жизни. Сердечное участіе въ этомъ дѣлѣ жены приходскаго священника весьма благопотребно и едва ли замѣнимо.

Но сельская школа — это только малое поприще для благотворной дѣятельности жены сельскаго священника. Названіе — матушки, — усвоенное ей прихожанами ея мужа, указываетъ на болѣе обширное поприще дѣятельности ея въ приходѣ. Матушка сельскаго священника не должна держать себя особнякомъ отъ прихожанъ: общеніе ея съ ними должно быть самое близкое. Въ этомъ отношеніи ея строгаго нравственно — семейная и благородно — хозяйственная жизнь должна быть нагляднымъ образцемъ для жизни прихожанъ ея мужа. Слово благороднаго участія сельской матушки въ горестныхъ, или радостныхъ событіяхъ семейныхъ прихожанъ ея мужа, благовременный совѣтъ и

дѣятельная помощь ея при разныхъ случайныхъ обстоятельствахъ ихъ жизни могутъ принести несомнѣнную и существенную пользу ¹.

Если-же таково значеніе жены приходскаго священника въ кругъ обязанностей его по приходу; если дѣятельность ея крайне нужна и полезна прихожанамъ; то, очевидно, необходимо, чтобы она была приготовлена къ этой дѣятельности. Очевидно, что ни кругъ семейства роднаго, ни свѣтскія училища женскія не могутъ дать женѣ приходскаго священника потребнаго, сообразнаго съ ея обязанностями, образованія. Нужда особыхъ училищъ, устроенныхъ примѣнительно къ потребностямъ семейной жизни сельскихъ священниковъ и къ общественной дѣятельности ихъ супругъ, почувствована давно. — И тогда какъ въ другихъ епархіяхъ — въ однихъ раньше, въ другихъ позднѣе, духовныя женскія училища уже открыты и воспитали не мало достойныхъ супругъ приходскихъ священниковъ и способ-

¹ Приходскій сельскій священникъ знаетъ, какъ важно и полезно сельской магушкѣ имѣть хотя немногія, но вѣрныя и пригодныя къ леченію болѣзни простаго народа, медицинскія познанія. Простой народъ неимѣетъ медиковъ, — его медики знахори и бабки, которые чаще вредятъ, нежели оказываютъ дѣйствительную помощь. Пишущему эти строки приходскому священнику, случалось нерѣдко, въ продолженіи седмицы, погребать по семи и болѣе дѣтей, умершихъ отъ кори. Не думайте, что это была злокачественная корь, — нѣтъ. Страшная смертность происходила отъ неумѣнья сберечь дѣтей въ этой болѣзни. Объ оспѣ и говорить нечего. Священникъ одного сельскаго прихода случайно, изъ Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, узнавшій свойство *водочнаго тѣста*, оказывалъ этимъ простымъ и сподручнымъ медикаментомъ существенную пользу своимъ прихожанамъ въ горячечныхъ болѣзняхъ, особенно при началѣ сихъ болѣзней.

ыхъ помощницъ въ великомъ дѣлѣ ихъ служенія; у насъ все только разсуждаютъ объ открытіи потребнаго училища. И разсужденія — то наши довольно вялы и слабы. Слушая ихъ, со стороны, уже около десяти лѣтъ, невольно приходишь къ мысли, что, можетъ быть, пройдетъ еще десятокъ лѣтъ, пока крайне нужное училище у насъ устроится. А между тѣмъ, сколько нашихъ дочерей, сколько бѣдныхъ сиротъ умершихъ нашихъ сослуживцевъ остаются безъ образованія, а слѣдовательно, и безъ той пользы, какую они могли бы извлекать и для себя и приносить другимъ, получивши образованіе.

Что же за причины, по которымъ такъ долго откладывается открытіе нашего женскаго училища? Я думаю — недостатокъ средствъ для устройства училища. Правда, матеріальныя средства для того чтобы устроить училище, вполне сообразное съ цѣлю предполагаемаго образованія дѣвицъ духовнаго званія, нужны не маловажныя. Но едва ли средства эти такъ огромны, чтобы ихъ не возможно найти у насъ, такъ сказать, подъ рукою. О переводѣ Семинаріи изъ Переяслова въ Полтаву, разсуждали около двадцати лѣтъ, — и все стѣснялись недостаткомъ средствъ, нужныхъ для этого. Но когда было приступлено къ дѣлу серьезно, средства нашлись и Семинарія переведена. Не думаю, чтобы источникъ, правда, не слишкомъ обильный, но все-же доставившій нѣсколько тысячъ рублей для этой цѣли, оказался совершенно скуднымъ для доставленія средствъ къ устройству крайне необходимаго и общающаго въ послѣдствіи не маловажную пользу, духовнаго женскаго училища.

Позволю себѣ, по этому предмету, войти въ нѣкоторыя соображенія.

По епархіальнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ, помѣщен-

нымъ въ 14 № Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1863 годъ, въ Полтавской Епархіи числится церквей: соборныхъ 15, монастырскихъ — мужескихъ 4, женскихъ 3, церквей приходскихъ — одноклирныхъ 927, двуклирныхъ 51, трехклирная 1, кладбищенскихъ 45, всего, исключая домовыхъ и придѣльныхъ 1046. Положимъ, состоялось бы предложеніе Епархіальнаго Начальства * ежегодно жертвовать въ пользу духовнаго женскаго училища, съ соборовъ по 10 руб. — 150 руб., съ монастырей — мужескихъ 2-хъ по 10 руб. — 20 руб., 2-хъ по 5 руб. — 10 руб.; съ женскихъ — 1-го 10 руб., 2-хъ по 5 руб. — 10 руб.; съ пятой части церквей — (204-хъ) по 10 руб. — 2040 руб.; съ другой также пятой части — (204) по 7 руб. — 1428 руб.; съ третьей части — (204-хъ) по 5 руб. — 1020 р.; съ четвертой части — (204-хъ) по 3 руб. — 612 руб.; съ 104-хъ церквей по 2 руб. — 208 руб., и съ остальныхъ 104-хъ по 1 руб. — 104 руб. Всего добровольныхъ пожертвованій изъ кошелековыхъ суммъ — монастырскихъ и приходскихъ церквей можетъ быть собрано *пять тысячъ шесть сотъ двѣнадцать рублей (5612 руб.)*.

По той-же статистикѣ — при церквахъ служащаго духовенства: протоіереевъ 49, священниковъ штатныхъ 1000, священниковъ на діаконскихъ мѣстахъ 89, діаконѣвъ штатныхъ 234, діаконѣвъ на причетническихъ мѣстахъ 146 и причетниковъ 1877 душъ.

* Предложеніе Епархіальнаго Начальства, весьма уважаемаго во всей Епархіи, вызоветъ непременно къ превышающимъ ожиданія пожертвованіямъ. Благоплодныя послѣдствія воззванія Преподобнаго Александра къ пожертвованіямъ въ пользу Семинаріи, при переводѣ ея въ Полтаву, не позволяютъ въ этомъ сомнѣваться.

Допустимъ, что, по предложенію Епархіальнаго Начальства, въ пользу женскаго училища, поступить:

Отъ	20	отц. протоіер.	по 5 р.	—	—	100 р.
—	29	—	по 3 р.	—	—	87 р.
—	500	священниковъ	по 3 р.	—	—	1500 р.
—	500	—	по 2 р.	—	—	1000 р.
—	40	свещ. на діак. м.	по 1 р. 50 к.	—	—	60 р.
—	49	—	по 1 р.	—	—	49 р.
—	234	діаконовъ шт.	по » » 50 к.	—	—	117 р.
—	146	діакоп. не шт.	по » » 30 к.	—	—	43 р. 80 к.
—	1877	причетниковъ	по » » 20 к.	—	—	275 р. 40 к.

Всего отъ служащаго духовенства пожертвованій *три тысячи двести шестьдесятъ два рубля двадцать коп.* (3262 р. 20 к.), а съ пожертвованіемъ отъ церквей составитя *восемъ тысячъ восемь сотъ семьдесятъ четыре рубля и двадцать коп.* (8874 р. 20 к.). Присоедините къ этой суммѣ процентную сумму съ 5000 рублей, отчисленныхъ, по опредѣленію Его Императорскаго Величества, Государя Императора, отъ упраздненныхъ Золотоношскаго Благовѣщенскаго женскаго монастыря и бывшаго Пушкировскаго * (пожертвованна покойною Графинею Орловою) въ пользу нашего училища, составитя сумма довольно значительная, которая можетъ быть еще увеличена добродетельнымъ пожертвованіемъ прихожанъ, по предложенію приходскихъ священниковъ, особенно, если имъ, для записи сего сбора, будутъ выданы шнуровыя книги и потребуется аккуратная отчетливость.

Есть благая увѣренность, что, какъ причты церковные, такъ и ихъ прихожане не потянутся пожертвованіями, пуж-

*Деньги эти пожертвованы умершею Графинею Орловою на вѣчныя времена, съ правомъ пользования процентами.

ными для устройства и содержанія училища, тѣмъ болѣе, что, какъ тѣ, такъ и другіе могутъ ожидать отъ сего училища не малой пользы. Для первыхъ откроется въ ономъ весьма пригодное мѣсто для образованія ихъ дочерей,—при жизни отцевъ—со взносомъ весьма умеренной платы, а когда дѣти, по волѣ Божіей, останутся въ сиротствѣ,—безплатно; вторые—въ образованныхъ женахъ приходскихъ священниковъ будутъ имѣть разумныхъ наставницъ ихъ дѣтей, опытныхъ совѣтницъ и нелѣстныхъ помощницъ въ различныхъ обстоятельствахъ ихъ жизни. Мысль, что наша трудовая копѣйка пойдетъ на доброе и полезное для нашихъ дѣтей дѣло, я думаю, будетъ сильна не сократить, а преумножить приношенія.

Опытные люди говорятъ: доброе дѣло можно начинать и съ средствами, по видимому, недостаточными для приведенія его къ концу. На добро Господь даетъ средства такія, какихъ не чаешь, и отгуда, откуда не ожидаешь. Впрочемъ, наши предполагаемая средства не такъ малы, что бы, имѣя ихъ въ виду, нельзя было приступить къ дѣлу. Мы въ этомъ убѣдимся, когда поразсудимъ о томъ: 1) какъ устроить наше училище? 2) Гдѣ—въ какомъ мѣстѣ—его устроить?

Какъ устроить епархіальное женское училище?

Каждое учебное заведеніе имѣть двѣ стороны—учебную и хозяйственно—экономическую. Рѣшеніе вопроса—о болѣе пригодномъ учебномъ устройствѣ предполагаемаго училища для дѣвицъ духовнаго званія, въ Полтавской Епархіи, предоставимъ другимъ; мы постараемся изложить нѣкоторыя соображенія о устройствѣ сего училища въ хо-

зайственно—экономическомъ отношеніи. 1) Наше училище должно быть устроено, не менѣе, какъ на 120 воспитанницъ—40 сиротъ, которымъ предполагается дать воспитаніе на счетъ средствъ училища и 80-ть своекоштныхъ; наше училище предполагается 2) устроить и содержать на добровольныя пожертвованія, по преимуществу, не богатаго сословія духовнаго * наше училище, 3) кромѣ научнаго образованія, должно сообщить нашимъ дочерямъ познанія хозяйственныя, какія нужны женѣ приходскаго священника, — не теоретическія, мало полезныя, а практическія — съ образованіемъ, кромѣ знанія самага дѣла, навыка къ трудолюбію и умѣнію вести свое хозяйство. Первое и третье положенія требуютъ, что бы, для училища, было приобрѣтено мѣсто дворовое, сколько возможно, просторное, на которомъ бы можно было удобно размѣстить всѣ нужныя постройки, которыхъ должно быть не мало, — именно: корпусъ съ комнатами занятными—учебными, руководьными, спальными, церковію, помѣщеніемъ для гардероба, рекреационною залою, кухнями, помѣщеніемъ для надзирательницъ и учительницъ; кладовыя, сушильня для бѣлья, помѣщеніе для прислугъ, больница, погребъ, ледникъ и проч. При дворовомъ мѣстѣ долженъ быть порядочный кусокъ земли, на которомъ-бы можно было устроить огородъ, скотной дворъ, хотя, на десять коровъ, птичникъ, съ нѣсколькими десятками разнородныхъ домашнихъ птицъ, развести садъ фруктовый и ботаническій—съ небольшимъ количествомъ лѣкарственныхъ растений, со свойствомъ и употребленіемъ которыхъ воспитанницы должны быть знакомы. Положеніе вто-

* Разумѣется на первыхъ порахъ. Въ послѣдствіи времени довольно порядочное подспорье училище будетъ имѣть отъ платежа за обученіе своекоштныхъ ученицъ.

рое напоминает намъ, что бы, какъ при покупкѣ нужной подь училище усадебной и огородной земли, такъ равно и при устройствѣ зданій, какъ теплыхъ, такъ и холодныхъ, была соблюдена возможная экономія. Въ этомъ отношеніи мы желали бы приобрести, какъ мѣсто для училища, такъ и строительный матеріалъ для построекъ — хорошаго качества по возможно дешевой цѣнѣ; имѣть жизненные припасы и дрова хорошаго качества и недорогіе, имѣть хорошее пастбище для скота, приобрести для него зимній кормъ не дорого; нанять прислугу, хотя простую, — но нравственную и по сходной цѣнѣ.

II.

Какое же мѣсто, какой городъ есть въ Полтавской Епархіи, въ которомъ мы могли бы имѣть все нужное для нашего училища, — и мѣсто удобное, и строительный матеріалъ, и жизненные продукты, и прислугу, и дрова и проч., и, при томъ, имѣть по возможно дешевой цѣнѣ, съ соблюденіемъ, безъ сомнѣній, другихъ условий хорошо устроеннаго учебнаго заведенія?

Всѣ почти училища для дѣтей духовнаго званія женскаго пола, открытыя до нынѣ, открыты въ городахъ губернскихъ. Не послѣдовать ли и намъ этимъ примѣрамъ, — не устроить ли и намъ свое училище въ Полтавѣ. 1) Полтава губернской городъ; 2) въ Полтавѣ имѣетъ пребываніе высшее Епархіальное Начальство, подь бдительнымъ надзоромъ котораго должно быть устроено и дѣлать свое дѣло училище. Но первое — достоинство Полтавы, какъ губернскаго города, едва ли не представляетъ болѣе причинъ удалиться изъ Полтавы съ нашимъ училищемъ, нежели по бужденій и выгодъ къ открытію его въ семъ городѣ.

Какъ въ губернскомъ городѣ, въ Полтавѣ сосредоточены все губернскія присутственныя мѣста съ многочисленнымъ, служащимъ въ нихъ людомъ; здѣсь и семинарія, и консисторія, и гимназія, и кадетскій корпусъ; въ Полтаву тѣсняются, въ настоящее время, на жительство и помѣщики землевладѣльцы, и вышедшіе изъ крѣпостной зависимости дворовые. Присовокупите всѣхъ этихъ пришельцевъ къ кореннымъ жителямъ Полтавы и вы увидите, что Полтава гораздо многолюднѣе прочихъ городовъ. А гдѣ многолюдство, тамъ послѣдніе тѣснѣе, усадебныя мѣста дробнѣе и дороже; гдѣ жителей больше, тамъ спросъ на жизненные продукты, дрова, прислугу, больше,—тамъ, все это дороже * При томъ же, въ Полтавѣ и Ильинская ярмарка и, не съ давняго времени, такъ что Полтава не успѣла еще и обстроиться порядочно для удобнаго помѣщенія ея,—постройки, какъ частныя, такъ и общественныя и теперь возводятся одиѣ за другими. Отъ этого строительный матеріалъ въ Полтавѣ дороже, нежели гдѣ либо. Лѣсовъ около Полтавы не много, да и тѣ годъ отъ году рѣдѣютъ. Пути сообщенія, изъ окрестностей въ Полтаву, особенно весною и осенью, крайне затруднительны. Къ этимъ не удобствамъ надобно присоединить и то, какое проистекаетъ изъ (положенія) занимаемаго Полтавою относительно прочихъ мѣстъ губерніи. Находясь въ углу губерніи, на довольно значительномъ разстояніи отъ узловъ:

* Замѣтно въ послѣдніе два года, въ сравненіи съ годами предшествующими, удешевленіе въ Полтавѣ, какъ на провизію такъ и на дрова, явленіе временное. Оно слѣдствіе урожайныхъ годовъ и потребности для помѣщиковъ извлекать доходы изъ продажи лѣсовъ, такъ какъ другія хозяйственныя статьи, особенно хлѣбопашество, по причинѣ дешевизны на хлѣбъ, не доставляютъ никакихъ доходовъ.

Роменскаго, Прилукскаго, Переяславскаго, Пирятинскаго, Золотоношскаго, Кременчугскаго, Полтава не весьма удобный пунктъ для значительной части духовенства, имѣющаго въ виду отдавать своихъ дочерей для наученія въ училище. Положеніе дѣвочки менѣе выгодно, нежели положеніе мальчика въ томъ отношеніи, что отецъ устроивши дѣло касательно найма квартиры предъ каникулами, послѣ каникулъ, можетъ отправить сына своего на наемной или своей подвождѣ, одного; дѣвочку же непременно самъ отецъ, либо мать должны какъ доставить въ училище, такъ и взять изъ него; что не всегда удобно какъ въ семейномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи. Въ отношеніи Епархіальнаго управления, Полтава-мѣстопробываніе высшей епархіальной власти и въ Полтавѣ существуетъ семинарія. Въ этихъ двухъ отношеніяхъ Полтава представляетъ нѣкоторыя выгоды для открытія въ ней училища двѣицъ духовнаго званія. Дѣйствительно, какъ устройство училища, такъ и дѣятельность его имѣютъ нужду въ ближайшемъ надзорѣ Епархіальнаго Начальства. Наставники семинаріи покрайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, могутъ быть безмездными преподавателями въ училищѣ. Но эти выгоды, бесспорно важныя, едва ли могутъ перевѣсить тѣ невыгоды устройства и существованія нашего училища въ Полтавѣ, о которыхъ мы упомянули выше. —

Нѣтъ ли въ нашей Епархіи, внѣ Полтавы инаго мѣста, которое представляло бы къ устройству нашего училища и выгоды Полтавы и устраняло бы невыгоды этого города? Отвѣчаю утвердительно — есть. Это уѣздный городъ *Лубны*. Лубны съ уѣздомъ занимаетъ центръ Полтавской губерніи; Лубенскій уѣздъ — самый хлѣбородный изъ уѣздовъ въ губерніи. Жизненные продукты, кромѣ потребленія мѣстнаго, внѣ уѣзда, почти не имѣютъ никакого сбыта. Лубен-

скій уѣздъ изобилуетъ лѣсами. Едва ли въ какомъ либо иномъ уѣздѣ нашей губерніи, кромѣ Лубенскаго, есть болѣе лѣсныхъ—общественныхъ и казенныхъ дачъ и едва ли гдѣ либо бывають такъ часты отпуски лѣснаго матеріала на срубъ, какъ въ этомъ уѣздѣ. Лубны и уѣздъ имѣють довольно густое населеніе. Кромѣ богоугоднаго заведенія и двухъ училищъ, въ Лубнахъ нѣтъ никакихъ общественныхъ учреждений. Лубны и по климату—здоровому—лучшее мѣсто въ Малороссіи. По этому въ Лубнахъ—жизненные припасы, лѣсный матеріалъ, дрова, фрукты и проч., всегда дешевле, нежели въ другихъ городахъ Полтавской губерніи; по этому Лубны я считаю самымъ пригоднымъ мѣстомъ для устройства предполагаемаго училища, тѣмъ болѣе, что въ Лубнахъ есть очень хорошей и просторной грунтъ, на которомъ всѣ нужныя училищныя зданія могутъ быть размѣщены весьма удобно. Грунтъ этотъ принадлежитъ тамошнему уѣздному духовному училищу, положеніе имѣетъ въ чертѣ города, пространствомъ около десяти десятинъ. На этомъ грунтѣ—равное просторное дворовое мѣсто, садъ и огородъ. На дворѣ постройки—деревянный на каменномъ фундаментѣ, сколько помню, о восьми комнатахъ, домъ, церковь и кое какія мѣлкія (постройки). При ходатайствѣ Епархіальнаго Начальства, духовно-учебное вѣдомство, вѣроятно, уступитъ этотъ грунтъ безмездно въ пользу духовнаго женскаго училища; по той причинѣ, что грунтъ этотъ училищу, которому принадлежитъ, не только не приноситъ никакой пользы и вовсе не нуженъ, но служить еще въ тягость, требуя ежегодно довольно порядочной суммы на содержаніе вокругъ его канавъ и огорожи.—Съ даровымъ приобрѣтеніемъ этого грунта была бы сбережена значительная часть изъ того скудна-

го капитала, какой имется въ виду собрать на устройство училища.

Верстахъ въ четырехъ отъ Лубенъ, какъ извѣстно, расположенъ Преображенскій мужескій монастырь, состоящій въ непосредственномъ управленіи епархіальныхъ Преосвященныхъ; какъ настоятели они посѣщаютъ этотъ монастырь часто а иногда некоторое время проживаютъ въ немъ, особенно лѣтомъ. Поэтому, какъ при устройствѣ училища, такъ и во время его дѣятельности, оно не можетъ оставаться безъ непосредственнаго Архимастерскаго ихъ надзора и руководства.

Можно спросить: —кто-же будутъ учителя въ предполагаемомъ къ открытію въ Лубнахъ училищѣ? Полтава, въ которой существуетъ семинарія, могла бы дать безмяданныхъ наставниковъ изъ семинари. Въ Лубнахъ откуда ихъ взять? —Въ Лубнахъ есть духовное уздное училище. Не могутъ ли наставники его оказать помощь своими трудами предполагаемому женскому училищу? Скажутъ: у нихъ и своего дѣла много. Въ такомъ случаѣ городское духовенство, по всей вѣроятности, не откажется отъ священной обязанности послужить дѣтямъ своихъ собратій — обученіемъ ихъ. Должность попечителя училища можетъ принять на себя градскій протоіерей. Онъ же можетъ удѣлить нѣсколько часовъ въ недѣлю и на занятія. Ему пособить въ преподаваніи священники соборные и прочіихъ церквей города Лубенъ. Найдется дѣло и для діаконовъ и причетниковъ, особенно, если епархіальное начальство, имѣя въ виду это дѣло, не оставитъ своихъ распоряженіемъ — назначеніемъ къ лубенскимъ церквамъ священно и церковно-служителей способныхъ для этого дѣла. Прекрасный образецъ, въ этомъ отношеніи, представляетъ для насъ организация Архангель-

скаго училища — для дѣвицъ духовнаго званія.

Таковы наши мысли о средствахъ къ устройству и мѣстѣ, гдѣ можетъ быть устроено наше училище для дѣвицъ духовнаго званія. Не претендуемъ на ихъ непрерываемую важность; — высказываемъ то, что чувствуемъ. Впрочемъ, въ какомъ бы мѣстѣ не предполагали устроить училище, пожелаемъ одного — чтобы оно устроилось, какъ можно, скорѣе. Зачѣмъ намъ, въ этомъ дѣлѣ, отстаивать отъ другихъ, когда настоятельная нужда въ воспитаніи нашихъ дочерей толкаетъ насъ если не впередъ, то по крайней мѣрѣ, заставляетъ идти рука объ руку съ другими.

II. М. П. **О НАРОДНОМЪ РУССКОМЪ ПОВѢРЬИ, СВЯЗАННОМЪ СЪ ИМЕНЕМЪ ПРОРОКА ІЛІИ.**

Громъ и молнія, какъ явленія самая поразительная въ природѣ, невольно занимаютъ мысль. Отъ чего происходятъ и какъ совершаются эти грозныя чудеса на небѣ? — Вопросъ о первой причинѣ рѣшается съ разу-мыслію, что виновникъ всего на свѣтѣ — Богъ. Мы всѣ одинаково твердо знаемъ это и — не по чувству только живаго вѣрующаго сердца, но и по очевидной невозможности отвергнуть, какъ мечту, свидѣтельство вѣры, знающей, что твореніемъ Бога некому управлять, какъ только самому же Богу. Но одной первой причины для человека мало; ему хочется знать вторичныя, или посредствующія причины явленій: такъ какъ въ этомъ знаніи — жизнь разумнаго человѣческаго духа, мудрость наша ограниченная. Въ явленіяхъ грозы наука довольно осязаетъ и естественнаго дѣятеля и образъ его дѣйствій. Простой народъ, не просвѣщенный наукою, не знаетъ ничего

ни другого. Но вѣдь и онъ долженъ же хотъ *какъ-нибудь* объяснить для себя великое явленіе; и его голова не можетъ жить безъ вторыхъ причинъ. Причины нашлись. «Во время грозы», давидъ ужъ проговорилъ народъ нашъ», вздигъ по небу Пророкъ Ілія на своей огненной колесницѣ и отъ быстроты — то вѣзы его происходитъ и страшная трескотня грома въ падъ нашей головой и ослѣпительный блескъ молній (отъ огненныхъ колесъ и копытъ огненныхъ коней). Что въ этомъ толкованіи заключена народная мысль о вторыхъ именно, или посредствующихъ причинахъ грозы, видно изъ того, что поселянинъ русскій во всякомъ случаѣ громъ и молнію признаетъ дѣломъ Божиимъ. Но въ силу необходимости-наивно какъ-нибудь представить посредствующія причины грозы и образъ ихъ дѣйствій, — онъ вообразилъ себя пророка Ілію, грозно развѣзжающаго по небу, созерцающа въ немъ очевидно орудію въ рукахъ Божіихъ причину явленій грозы, — строгаго исполнителя велѣній Бога на землѣ. Такъ какъ здѣсь подъ явленіе чисто физическое, котораго и ближайшія причины должны быть физическія (какъ это и знаетъ наука) воображеніе народное положило на удачу причину вовсе не изъ природы вещественной; то вмѣсто дѣйствительныхъ вторыхъ причинъ грома и молніи у народа нашего вышли причины *фантастическія* и объясненіе стало не здравымъ толкованіемъ природы, а повѣрьемъ, или суевѣрнымъ мнѣніемъ. Народъ, кажется, и самъ чувствуетъ это. Легко примѣтитъ, что онъ высказываетъ свое представленіе какъ-то боязливо, вполголоса: и вѣрится ему, и пѣтъ. Но таково ужъ свойство мысли, не просвѣщенной наукою, что она, за неимѣніемъ положительной дознанной истины, остается въ тяжелой необходимости опираться до времени хотъ на мечту и — смѣло опирается, когда видитъ, что за мечту горой стоимъ великій

для простой души авторитетъ—старина матушка. И вотъ прошло нѣсколько вѣковъ, а старое повѣрье, при всей своей нелѣпости, держится еще и досель, ходитъ, что называется, по Руси, продолжаетъ жить народнымъ безсмертіемъ. Еще и теперь, безъ сомнѣнія, во многихъ закоулкахъ отечества нашего простой народъ воздастъ почитаніе пророку Ильѣ, не только какъ молитвеннику за насъ предъ Богомъ и великому святому, а и какъ громовержцу, грозному карателю, въ день котораго (20 Юля) *страшно* работать, нельзя работать... громомъ убить, домъ молніей запалить, отъ проливня все сѣно съ луга въ рѣку поплыветъ и проч. Мы не намѣрены говорить ничего въ обличеніе такого страннаго и, конечно, часто вреднаго заблужденія народнаго. И безъ того уже много писано и говорено на этотъ счетъ (и—едвали съ пользою для народа; потому что обличать, не давши человѣку напередъ положительнаго знанія, —значить—внушать слѣпому, чтобъ онъ не смотрѣлъ постороннамъ, если не хочетъ натѣкаться, и глухому, чтобъ слушалъ нашихъ приказаній). Насъ занимаютъ въ настоящий разъ вопросы: откуда вышло у нашего народа сказанное повѣрье? По какой связи мыслей оно возникло у насъ? По чему оно, при всей своей странности, нашло, однако, такое сильное сочувствіе себѣ, что охватило весь народъ русскій?

Обстоятельства жизни и взятія пророка Іліи на небо представляются самымъ естественнымъ и ближайшимъ основаніемъ, на которомъ возникло у насъ народное представленіе о великомъ пророкѣ, какъ производителѣ громовъ и молній. Пламенною ревностію отличался св. Ілія, когда жилъ на земли; неумолимо каралъ онъ бездождіемъ Израильтянъ—идолопоклонниковъ; какъ огонь говорилъ онъ и дѣйствовалъ; по слову его, заключалось и отверзалось небо и—не бы-

ло тучь и дождя, когда не хотѣлъ ихъ Илія, и тучи разрѣшались грозой и дождемъ, когда просилъ того онъ; на огненной колесницѣ, наконецъ, и огненныхъ копахъ вознесся на небо великій пророкъ — въ знаменіяхъ и силахъ огня, которыми такъ грозно владѣлъ онъ при жизни. Таковъ образъ пророка Илія въ исторіи! Понятно напередъ, что къ этому образу могла прибавить народная фантазія и какой мечтой разыгаться... Великій пророкъ, вѣдь, не умеръ, а живой взятъ на небо; а если живъ, такъ, стало быть, долженъ же дѣлать что нибудь на небѣ. Что-же? Встимо, взитъ на своей огненной колесницѣ... - Повторяемъ: исторія пророка сама собой приходитъ на мысль, при первой встрѣчѣ съ народнымъ нашимъ повѣрьемъ, и образованіе его на этой почвѣ представляется дѣломъ совершенно естественнымъ. Мы, по крайней мѣрѣ, помнимъ, что когда въ первый разъ родился у насъ вопросъ о происхожденіи повѣрья, сказанное объясненіе представилось намъ не только истиннымъ, но и единственнымъ. Теперь, однако, мы не можемъ удовлетвориться исторіей жизни и вознесенія пророка Илія на небо, чтобъ изъ ней одной объяснить возникновеніе народнаго повѣрья, его глубокую древность, а главное — его широкую распространенность. Мы думаемъ, что исторія пророка, какъ основаніе для народнаго нашего повѣрья, составляетъ только верхній слой почвы, на которомъ укоренилась народная фантазія, но что самыя глубокія окончанности корней повѣрья теряются въ другомъ, гораздо раншемъ по времени, слое, котораго теперь простой глазъ не видитъ и до котораго очень трудно докапываться по причинѣ его давности.

Разумѣемъ времена язычества славяно-русскаго, отъ котораго у нашего народа осталось и доселѣ хранится не

мало понятій и преданій и въ которомъ кроются первые корни самой большей части теперешнихъ народныхъ суевѣрій на Руси. Чтобы предположеніе наше не показалось читателю слишкомъ страшнымъ и неосновательнымъ, — находимъ пужнымъ высказать предварительно кой-какія соображенія, по которымъ мы рѣшительно *подозрѣваемъ*, что въ основаніи народнаго русскаго повѣрья, связаннаго съ именемъ пророка Иліи, лежитъ мысль древне-славянскаго язычества, нашедшая въ исторіи пророка Иліи лишь благоприятную почву, сквозь которую она легко могла пробиться и въ ней надолго уцѣлѣть.

1. Если допустить, что народное русское повѣрье, связанное съ именемъ пророка Иліи, родилось единственно изъ исторіи пророка; то почему нѣтъ (по крайней мѣрѣ, мы не слыхали и не читали) такого-же повѣрья въ христіанскомъ мѣрѣ на западѣ у народовъ неславянскихъ? Въдѣ известно, что по поводу одинакихъ понятій и предметовъ религіозныхъ, у разныхъ народовъ, въ пору ихъ младенчества, возникаютъ весьма сходныя повѣрья и представленія. Если у нашего народа пророкъ Илія ѣздитъ по небу на огненной колесницѣ, производя тѣмъ громъ и молнію; то отъ чего-бы не быть тому же самому представленію у другихъ народовъ западныхъ, у которыхъ исторія пророка Иліи та-же, что и у насъ? Ясно, что у славяно-русскаго народа, еще до принятія имъ христіанства, было подобное же представленіе, подобный образъ, легко приложенный суевѣріемъ къ повому (въ эпоху христіанства), перешедшій какъ-бы въ него по тихоньку, слившійся съ нимъ и забытый въ немъ.

2. Народное представленіе въ разсматриваемомъ повѣрьи видимо запечатлено слишкомъ чувственнымъ, грубо -- ило

тянымъ характеромъ и направлениемъ мысли. Это — признакъ язычества, всегда выражающаго въ своихъ понятяхъ узкость взгляда, чувственность образа, несладкость и несообразность въ разумнѣйшій вещей духовныхъ. Въ христіанствѣ ничего подобнаго быть не можетъ. Оно божественно, возвышенно — духовно во всякой своей мысли. Образъ пророка Или, развѣзжающаго по небу и производящаго трескотню громовъ, — не мыслимъ, не возможенъ въ кругу понятій, внушаемыхъ христіанствомъ и нисколько не внушаемыхъ язычествомъ.

3. Если предположить, что повѣрье возникло у насъ въ эпоху христіанскую и не имѣло никакихъ рѣшительно оснований въ язычествѣ; то едва ли можно тогда объяснить его необычайную распространенность по всей Россіи и притомъ съ глубокой древности. Представить бы, пожалуй, дѣло такъ: пѣзбѣды изъ среды народа, болѣе другихъ знавшіе и читавшіе, дополнили и подкрасили, какъ это часто дѣлаетъ невѣжество, дѣйствительную исторію (пророка) вымысломъ, а другіе подхватили вымысль и разнесли его по Руси. Но такимъ путемъ повѣрье могло, очевидно, родиться не во всѣхъ мѣстахъ, въ разныя времена, и никакъ не могло распространиться между миллионами народа набожнаго, разбросаннаго на чрезвычайно широкихъ пространствахъ и вдобавокъ въ самое короткое время. Напротивъ, если предположить, что еще у нашихъ предковъ — язычниковъ былъ какой-нибудь образъ, похожій на тотъ, какой видимъ теперь въ повѣрьи народномъ; то быстрое возникновеніе и распространеніе повѣрья по лицу всей земли русской, становится дѣломъ не только возможнымъ, но и естественнымъ.

4. Наконецъ, еслибъ повѣрье, связанное съ именемъ пророка Или, возникло у насъ въ первый разъ въ эпоху

христіанскую, т. е. какъ новость, не имѣвшая въ старомъ подготовки и предрасположенія; тогда достаточно было бы и небольшихъ усилій русскихъ пастырей, чтобы новое заблужденіе выкоренить въ первое же время его появленія. Этихъ усилій мы не можемъ отрицать по тѣмъ опытамъ ревности русскаго духовенства въ искорененіи на Руси разныхъ суевѣрій, какіе видны въ нашей исторіи съ самыхъ первыхъ временъ христіанства у насъ. Но усилія, значить, оказывались тщетными, когда повѣрье пережило вѣка и уцѣлѣло на всей Руси даже досель. Знакъ, что это было не молодое деревцо, только что посаженное, которое можетъ вырвать изъ почвы и слабая рука, а дерево старое, вѣковое, котораго корни пошли далеко въ землю и которое выкоренить развѣ время.

Послѣ этихъ замѣчаній читатель, надѣмся, самъ пойметъ, почему мы такъ рѣшительно отказываемся отъ перваго объясненія, какъ несостоятельнаго (при всей его кажущейся правдѣ и естественности) и подозреваемъ въ разсматриваемомъ народномъ нашемъ повѣрьи слѣдъ и вліяніе язычества. — Какая же именно языческая мысль легла въ основаніе народнаго нашего повѣрья, связаннаго съ именемъ пророка Иліи? Какое вѣрованіе допеслось до насъ въ немъ отъ нашихъ давно минувшихъ временъ?

У предковъ нашихъ, славянъ-язычниковъ, былъ одинъ богъ, по имени *Перунъ*. Его считали они первымъ богомъ и больше другихъ боговъ почитали. Онъ былъ у нихъ богомъ огня, *громовъ* и *молній*. Какъ бога громовъ и молній, прашуры наши естественно должны были представлять Перуна въ видѣ производителя грозы какимъ-нибудь *механическимъ дѣйствиелмъ*. Этого нецрѣмѣнно требуетъ языческая мысль, всегда воплощающая свои понятія въ опре-

дѣленные чувственные образы. Какъ же именно предки наши представляли на этотъ разъ міроправительную дѣятельность громовержца Перуна? — Не встрѣчая яснаго отвѣта на этотъ вопросъ у русскихъ летописцевъ, мы должны (и надѣмся) дать рѣшеніе только *вѣроятное*, но правдоподобное и удовлетворяющее исторической правдѣ.

Г. Снегиревъ, авторъ «Русскихъ простонародныхъ праздниковъ», замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ слѣдующее: «когда гремитъ громъ; то и до нынѣ Литовцы говорятъ: *Перкунъ (Перунъ) ѣдетъ на своей колесницѣ*» (Выпускъ 1 и (вышелъ въ свѣтъ въ 1837 году.) стр. 95). Нѣтъ нужды доказывать, что этотъ говоръ есть отголосокъ, а можетъ быть, и буквальное выраженіе древне-литовскаго языческаго представленія Перуна, какъ производителя громовъ и молній. И такъ у Литвиновъ-язычниковъ былъ на этотъ разъ нарочитый мифъ, который гласилъ, очевидно, слѣдующее: «Перунъ — богъ огня — вздигъ время отъ времени по небу на своей (вѣроятно огненной) колесницѣ и тѣмъ производитъ раскаты грома и искры молній въ воздушныхъ пространствахъ». Такъ было въ Литвѣ. Не такъ ли было и у русскихъ язычниковъ? Что именно такъ, — не скажемъ: но что *должно быть* такъ, — это весьма вѣроятно, а для насъ даже и несомнѣнно — при слѣдующихъ соображеніяхъ. 1) извѣстно, что мифологія литовская вообще весьма сходна съ мифологіей славяно-русской. Тѣмъ большее предполагается сходство въ мифахъ и представленіяхъ, относящихся къ главному божеству (Перуну), одинакому и у литовцевъ и у славянъ-язычниковъ. 2) Славяне русскіе, въ своихъ вѣрованіяхъ, обрядахъ и мифахъ физическихъ: должны были многое заимствовать у литовцевъ — какъ потому, что у литовцевъ мифологія была богаче и развитѣе

и слѣд. могла задавать тонъ неразвитому языческому миро-
созерцанію предковъ нашихъ; такъ и потому особенно, что
литовцы были сосѣями русскихъ, отъ чего заимствование
могло совершаться удобно и скоро. 3) Такъ-какъ мнѣ
древне-литовскій въ упомянутой поговоркѣ самъ по себѣ
весьма натураленъ, простъ и какъ нельзя болѣе удовле-
творяетъ чувственному понятію язычника; то надо положить,
что если предки наши и не имѣли у себя самороднаго мнѣа
(онъ долженъ быть, какъ мы сказали), подобнаго литов-
скому; то мнѣ литовскій, при упомянутыхъ условіяхъ,
могъ легко перейти къ нимъ и послѣдніе должны были съ
радостью ухватиться за него. Почему-же, спроситъ чита-
тель, не сохранилось у насъ на Руси ничего, въ родѣ ли-
товской поговорки, если мнѣ литовскій былъ и у насъ?—
По очень простымъ причинамъ. Язычество литовское, если бы
и не было старѣе нашего; то (отъ вліянія Римлянъ и Гер-
манцевъ) было гораздо сложнѣе и обработаннѣе. Тамъ бы-
ло напр. сословіе жрецовъ; а у насъ его не видно. Тамъ
много собственно религіозныхъ обрядовъ; а у насъ ихъ
замѣняли просто народныя празднества (Колѣда, Купало и
др.). Съ другой стороны, надо помнить, что собственно
литовскій народъ крещенъ уже въ концѣ XIV вѣка и, слѣ-
довательно, принялъ христіанство позднѣе народа русскаго
почти на четыре столѣтія. Понятно, что преданія язычества
у Литвиновъ могли отчетливѣе и рѣзче сохраниться, неже-
ли у Русскихъ, и что по этому, въ Литвѣ отъ времени
язычества могло остаться до послѣдняго времени гораздо
гласнѣе и выпуклѣе то, что у насъ легче могло стлаться
и скорѣе забыться. И такъ, мы не думаемъ грѣшить про-
тивъ исторіи, предполагая у нашихъ предковъ — язычниковъ
мнѣ о вѣдѣ Перуна по небу по время грозы на колесни-

цѣ — на томъ только основаніи, что этотъ мифъ былъ у Литовцевъ. Чтобы подкрѣпить довѣріе къ этому основанію, считаемъ не излишнимъ указать на одно очень важное обстоятельство. — На Руси довольно распространено и *изста-ри* хранится у женскаго деревенскаго пола страшное правило: *не работать*, а во всякомъ случаѣ ослаблять работу *по пятницамъ*. Въ некоторыхъ, по крайней мѣрѣ, пятницы въ году женщины у крестьянъ считаютъ тяжкимъ грѣхомъ мыть бѣлье, прѣсть, даже ткать. Откуда, спрашивается, вышло это правило? Старица русская не дастъ удовлетворительнаго и яснаго отвѣта на этотъ вопросъ. Въ изыскахъ и мифологій Литвы отвѣтъ есть. У Литовцевъ язычникомъ пятница была днемъ Перуна и такъ-какъ Перунъ былъ у нихъ (какъ и у Славянъ) главнымъ божествомъ: то пятница была у нихъ праздникомъ, днемъ нерабочимъ, какъ наше воскресенье (Русск. простонародн. праздн. Спегирева. Вып. 1, стр. 98). Такъ какъ правило не работать по пятницамъ не предписывается церковію и слѣд. не могло быть внушено нашему народу пастырями и первыми распространителями христіанства у насъ*; то явно, что почитаніе пятницъ — обычай до-христіанскій, уцѣлѣвшій на Руси отъ временъ язычества и имѣющій единственное основаніе въ томъ, что какъ въ Литвѣ, такъ и у русскихъ славянъ, пятница была днемъ Перуна. Но — опять повторимъ —

* Объясняютъ народное русское почитаніе пятницъ (неработаніемъ) тѣмъ, что пастыри — де внушали юному христіанскому народу, что пятокъ есть день смерти нашего Господа и народъ — де запечатлѣлъ благоговѣніе къ этому дню даже неработаніемъ. Мы рѣшительно несогласны съ этимъ объясненіемъ. Дѣло другое внушать, что въ пятницу умеръ нашъ Спаситель и другое дѣло не работать въ этотъ день Последняго не знаетъ церковъ и ед-

въ то время, какъ этотъ фактъ не имѣетъ за себя свидѣтельства въ говорѣ и ясномъ преданіи русскаго народа, онъ все-таки стоитъ твердо, подкрѣпленный мифологіей и преданіями язычества литовскаго, параллельными и тождественными преданіямъ и мифамъ язычества русскаго (южнаго). Заключая такимъ же образомъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, мы полагаемъ, что и вышесказаннаго върованія нельзя отрицать у Славянъ русскихъ, какъ нельзя отрицать его и у Литовцевъ-язычниковъ. Вотъ это-то върованіе нашихъ предковъ язычниковъ, (т. е. что Перунъ

вали допустить, чтобы почитаніемъ одного дня не ослабить благоговѣнія къ другому (дню воскресному). Возраженіе: почему же у мужскаго населенія не осталось обычая не работать по пятницамъ, если онъ былъ общимъ у насъ до христіанства? — очень не важно. Можетъ быть, въ первое время христіанства на Руси и мужчины не работали у насъ по пятницамъ; но это могло быть скоро замѣчено и выведено изъ обычая дѣятельными пастырями, такъ-какъ работы мужскія — работы открытыя, всегда подпадающія надзору пастырскому. Работы женскія — работы домашнія, мало доступныя надзору пастырскому и почти недоступныя въ Руси древней, когда женскій полъ у насъ жилъ въ заточеніи, рѣдко показываясь на свѣтъ Божій. Понятно, какой безопасный притонъ былъ для пятницы Перуновой въ углахъ деревенскихъ хижинъ. Не забудемъ и того, что женское сердце, необычайно впечатлительное, сильнѣе мужскаго приковано къ суевѣрію. Женщина — великій консерватизмъ! Присмотритесь-замѣтите, что всѣ новѣрья, примѣты, гаданія и прочій суевѣрный хламъ хранится въ женскомъ нашемъ мірѣ, въ которомъ, какъ нѣкоемъ архивѣ, изучающіе старинныя русскія быліны могутъ отыскать для кой-какихъ справокъ не мало древнихъ документовъ. Новая причина, по которой преданіе о пятницѣ, какъ днѣ Перуна, т. е. нерабочемъ, давно забытое нашимъ населеніемъ мужскимъ, могло сохраниться въ практикѣ и обычаяхъ нашего деревенскаго

вздить по небу на своей колесницѣ и тѣмъ производить грома и молніи) и есть, по нашему мнѣнію, та почва, въ которой скрываются первые корни русскаго народнаго повѣрья, связаннаго съ именемъ пророка Или; оно-то и составляетъ ту мысль, по которой народное наше повѣрье не есть невинная причудливость, шутка народной фантазіи, а одиѣ изъ уцѣлѣвшихъ доселѣ слѣдовъ древне-русскаго язычества, остатокъ вѣры въ Перуна и народнаго представленія (въ свое время) мировой дѣятельности этого божества.

Такъ-ли, спроситъ читатель? Допустимъ, скажутъ, что

женскаго пола.—Далѣе, еслибъ почитаніе пятницъ на Руси объяснять по вышесказанному; то это былъ бы обычай похвальный. Между тѣмъ стоглавыи соборъ (въ 40-й главѣ) называетъ его внушеніемъ лживыхъ пророковъ, изувѣрныхъ женокъ и старыхъ бабъ и вообще дѣломъ «богомерзскимъ, кромѣ Божественнаго писанія». Наконецъ, стоитъ вниманія и слѣдующій, рассказанный регламентомъ, фактъ: «слышится что въ малой Россіи, въ полку Стародубскомъ, въ день уреченный праздничный, водятъ жонку простовласую, подъ именемъ пятницы, а водятъ въ ходѣ церковномъ, и при церкви честь оной отдаетъ народъ съ дары и со упованіемъ нѣкіи пользы». (Прав. собесѣд. 1859 г. стр. 198). Фактъ замѣчательный! Въ немъ мы видимъ (не отступая отъ мысли самаго регламента) просто-на-просто обломокъ древне-русскаго языческаго праздника въ честь Перуна, совершавшагося по пятницамъ — съ обрядами, теперь неизвѣстными въ подробностяхъ. Если такъ, то почитаніе неработаніемъ пятницы въ Руси языческой, какъ дни праздничнаго, посвященнаго главному божеству — дѣло несомнѣнное. Странно было бы думать, что съ появленіемъ христіанства у насъ, обычай языческій, при его относительной важности (въ свое время) и общей, конечно, распространенности, исчезъ вдругъ — такъ, что и память его погибла безслѣдно.....

мнѣе Литовскій былъ и у нашихъ предковъ, — все-же трудно представить, какимъ образомъ мысль языческая могла очутиться въ теперешнемъ народномъ представленіи. Такое вторженіе язычества въ христіанство, во всякомъ случаѣ, озадачиваетъ мысль и кажется невѣроятнымъ.

Для рѣшенія подобныхъ недоумѣній достаточно было бы указать на то поразительное сходство, какое съ разу видно между мнѣемъ языческимъ и теперешнимъ народнымъ нашимъ представленіемъ. Но такъ-какъ самое это сходство можетъ показаться только случайнымъ, а не дѣйствительнымъ; то настоятъ нужда доказать, что предположенное нами вліяніе и участіе языческаго вѣрованія въ образованіи русскаго повѣрья не только было возможно, но и совершенно естественно и, какъ нельзя болѣе, въ порядкѣ вещей.

Времена язычества русскаго и переходъ народа русскаго изъ язычества въ христіанство мы представляемъ какъ-то по книжному, т. е. почти не умѣемъ представлять, или представляемъ фальшиво. Намъ такъ и думается, что славяно-русское язычество — кратковременная, тѣсная, почти ничѣмъ не наполненная жизнь, которую чуть-ли не въ одинъ годъ вытѣснило и покрыло вѣчнымъ забвеніемъ христіанство при Владимірѣ. На дѣлѣ — не такъ. Языческая эпоха наша — длинная исторія. Не столѣтіе, не два и не три тянулась она. Если мы прожили въ христіанствѣ восемь съ половиною вѣковъ; то едва-ли меньше жило славянское язычество. Это — цѣлый міръ, цѣлая, вѣковая жизнь, у которой были свои силы, свой духъ, свои созданія. Можно ли думать, послѣ этого, что съ перваго же насажденія у насъ христіанства такъ и рухнуло наше язычество и быстро исчезло изъ памяти народной, отказавшись разомъ отъ всего, что прожило вѣка, укрѣпилось преданіями, бытомъ, привыч-

ками? Нѣтъ, жизнь не дѣлаетъ такихъ скачковъ — и цѣлые народы не погрѣбаютъ въ темныя годы вѣковыхъ формъ своей мысли и жизни. Еще труднѣе думать, что представленія и вѣрованія нашихъ предковъ-язычниковъ, группировавшіяся около главнаго ихъ божества, скоро забудутся на Руси, такъ или иначе не прокрадутся въ духъ народа и по принятіи имъ христіанства. Изъ первыхъ временъ христіанства на Руси напомнимъ читателю одинъ, весьма замѣчательный примѣръ, показывающій, чѣмъ былъ для нашихъ предковъ Перуль и какъ трудно было выжить его разомъ изъ земли нашей. Кіевляне-язычники уважали мудрую волю своего князя Владиміра и безирекословно бросили идолъ Перуна въ Днѣпръ. Однако, съ какими горькими слезами многіе изъ нихъ провожали глазами поплывшій внизъ по рѣкѣ истуканъ. Какое душевное (хоть и неразумное) страданіе и подутчаяніе раздалось въ этомъ воплѣ: «выдыбай нашъ, государю боже, выдыбай (лѣтоп. Дмитр. Ростовск. ч. IV, стр. 40)»! Если Кіевляне, лично знавшіе Владиміра, ближе видѣвшіе обдуманность и святость предпріятого имъ дѣла и живо помнившіе мудрѣйшую изъ людей бабку его Ольгу, — если они такъ громко заявили свое малодуніе, при видѣ гибели любимаго бога; то что сказать о жителяхъ другихъ мѣстъ Россіи? Разрушали капища, бросали въ рѣки идоловъ и проч. . . А мысли? — Въ старыхъ головахъ, на старыхъ мѣстахъ оставался онъ. Мы не говоримъ, чтобы поганая вѣра долго и уперно отставалась нашими предками. Мы разумѣемъ при этомъ только извѣстный рядъ понятій и преданій языческихъ, остававшихся у нашего народа и по принятіи имъ христіанства. Вышеупомянутый миѳъ о Перуль естественно былъ во главѣ этихъ понятій и преданій и следовательно не могъ также скоро пропасть эти

памяти народной, какъ пропадали идола Перуна. Правда, что, со времени крещенія народа русскаго, вздвигшій по небу Перунъ долженъ былъ скрыться, потерять прежнее право гражданства; т. е. открытое признаніе и исповѣданіе народомъ. Но привыкшая къ олицетворенію причинъ грозы, въ образъ Перуна, мысль народная не въ силахъ была вдругъ покинуть прежнее представленіе, такъ *наглядно* для простаго смысла объяснявшее явленія грозы. Единный Богъ, теперь проповѣданный и принятый, истиненъ; но онъ творить громы и молніи *непостижимо*... И вотъ, въ то время, какъ предки наши, еще полуязычники и полухристиане, были въ весьма понятномъ затрудненіи и искали хоть какого-нибудь примиренія своей, такъ сказать, ветхой *вѣры* съ новою, — прежней жи, сильной преданіемъ, и новой истины, еще не ставшей убжденіемъ, — въ это время они увидѣли образъ святаго, угоднаго христіанскому Богу, — образъ, въ которомъ храмлющая на обѣ стороны совѣсть ихъ чаяла успокоенія. Онъ, этотъ великій пророкъ, заключалъ и отверзалъ небо; онъ пускалъ и удерживалъ тучи съ громами и дождемъ; онъ вознесся на небо на огненной колесницѣ; онъ не умеръ, говорить, а живой взялъ на небо. Должно быть (такъ, вѣроятно, думалъ народъ наибъ въ первое время христіанства), онъ вздигъ по небу на своей огненной колесницѣ *. И пошелъ пророкъ Ілія у темнаго

* Когда мы писали это, намъ пришло на мысль одно обстоятельство, стоящее, кажется, особеннаго вниманія. У насъ извѣстна одна изъ церквей, бывшихъ въ Кіевѣ до Владиміра, именно церковь Пророка Іліи. Несторъ называетъ ее соборною. Позвоительно думать, что это былъ самый древній храмъ у насъ — какъ потому, что еслибъ былъ какой-нибудь другой храмъ древнѣе кіевскаго во имя Пророка Іліи, то Несторъ назвалъ бы его для

народа ъздить по небу, какъ до тѣхъ поръ ъздилъ у него Перунъ. Такъ *или* Перуна *забылось* и такъ собственно *остался* его образъ, или точнѣе, прежній образъ его грозной дѣятельности на небѣ во время грозы. Сложившееся разъ, подъ вліяніемъ языческой мысли, такое вѣрованіе относительно пророка *Иліи* естественно поддержалось на первыхъ порахъ народными симпатіями, окрѣпло незамѣтно и удержалось досель, какъ держится у насъ всякая старина, всякое дѣдовское преданіе.

Могутъ предложить еще одинъ вопросъ: вѣроятно ли такое смѣшеніе понятій, какъ - бы оно ни было естественно, когда пастыри юной церкви русской, внушали, безъ сомнѣ-

потомства, такъ и потому, что значеніе соборнаго естественно въ то время было усвоить храму самому древнему. Какъ бы то ни было, это—церковь *соборная*, *одна извѣстная* въ нашихъ лѣтописяхъ. Слѣдовало бы ожидать, что такой храмъ будетъ посвященъ имени напр. Св. Троицы, Спаса, Рождества Христова, Успенія Богоматери и проч. Въ страну, куда только что вступаетъ христіанство, естественно вносить первыя, такъ скажемъ, знамена христіанства, т. е. имена: Бога, въ Троицѣ славимаго, Христа Спасителя и Богоматери. Между тѣмъ, нашъ кievскій, соборный, одинъ извѣстный въ лѣтописи храмъ посвященъ Пророку *Иліи*. Почему бы это? случайно? Но умные случаю не вѣрятъ. Въмѣсто случая не лучше ли поставить причины, хотя и вѣроятныя только, но правдоподобныя, бывшія въ порядкѣ вещей? А порядокъ—то былъ такой, что образъ Перуна—бога огня, ъздившаго по небу во время грозы на колесницѣ, занималъ первое мѣсто въ головахъ нашихъ предковъ, въ камнѣ ужился и вытолкнуть его на первыхъ порахъ едва ли было можно иначе, какъ только образомъ Пророка *Иліи*.. Доказать сіе предположеніе мы не можемъ (потому что данныхъ ясныхъ для него нѣтъ, да едва-ли онъ тутъ и быть могутъ); но оспаривать его по одному этому было-бы, кажется намъ, несправедливо.

нія, нашимъ предкамъ одиѣ чистыя понятія и разрушали все, не только явно языческое, но и самый духъ язычества? Сбыточное ли дѣло, чтобъ они допустили такую сдѣлку на своихъ глазахъ?—На пастырей, любезный читатель, не надо взваливать много. Представьте, что на всей Руси, предъ ея крещеніемъ и въ моментъ крещенія, царствуетъ Перунъ — главный богъ, государь богъ предковъ нашихъ. Какою бы ревностію и какимъ словомъ вы выгнали бы его отсюда разомъ, когда онъ царилъ здѣсь цѣлые вѣка? Никакою человѣческою силою этого сдѣлать вдругъ и за разъ было нельзя. Пастырямъ оставалось достигать одного: чтобы *поганая вѣра забылась* отъ времени, чтобы мысль народная *понемногу* привыкала къ новой для него вѣрѣ.

Стало быть, если и замѣчали пастыри, что народъ нашъ сочинилъ себѣ страшный образъ пророка Іліи (каковъ онъ въ разсматриваемомъ повѣрьи) на мѣсто Перуна, — если за тѣмъ, и объясняли ему всю нелѣпость его представленія; то все-же было какъ нельзя болѣе въ порядкѣ вещей, что народъ не могъ отвѣтить голосу своихъ пастырей полнымъ совлеченіемъ своего ветхаго образа мыслей: такъ — какъ въ пемъ еще не замерли понятія и преданія прошлыя, — такъ какъ христіанство не было ощущено и воспринято имъ въ его силѣ и истинѣ. — Усилій со стороны пастырей — повторимъ еще разъ — отвергать тутъ нельзя и они, конечно, старались, по мѣрѣ силъ и постепенно, исторгать плевелы, посягающія у насъ язычествомъ; но что было дѣлать, когда суевѣрная, привязанная къ старинѣ, масса не имѣла силъ убить въ себѣ разомъ тяжкіе грѣхи многовѣковаго заблужденія, унаслѣдованные отъ дѣдовъ?: Богу надо было предоставить то, чего не въ силахъ сдѣлать человѣкъ.

Д. Ор.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О ЖИЗНИ ДУХОВЕНСТВА ОДНОГО УѢЗДНАГО ГОРОДА
ПОЛТАВСКОЙ ЕПАРХІИ.

Многіе изъ духовенства уже заявили и заявляютъ о своихъ вопіющихъ нуждахъ; многіе писали и пишутъ о своей горькой долѣ и просятъ, кого слѣдуетъ, обратить вниманіе на ихъ горемычную жизнь и, если можно, помочь ихъ горю. Да нельзя и молчать, когда вопіютъ пужды; нельзя и не просить, когда извѣстно, что у меня нѣтъ куска хлѣба; нельзя и не возвышать своего голоса, когда чувствуешь, что это необходимо пужно сдѣлать, а иначе тебя никто не услышитъ, и ты, чего добраго, останешся тѣмъ, чѣмъ былъ, т. е. и холоднымъ и голоднымъ!... Дай Богъ, чтобы мы—духовные—скорѣе избавились отъ угнѣтающихъ насъ пуждъ, пренятствующихъ намъ заниматься своею священною обязанностію такъ, какъ велитъ Богъ, законъ и совѣсть. Эгого вождельнаго улучшенія мы ждемъ, какъ небснаго дара. Отъ конецъ до конецъ Россіи вознесется тогда теплая молитва Всевышнему, вложившему въ сердце царево заботу объ обезпеченіи быта русскаго духовенства, «благотворныя дѣйствія которой принесутъ обильный плодъ и займутъ самое видное мѣсто на страницахъ исторіи русскаго государства!...

Въ дополненіе къ тому, что я заявилъ уже, въ свое время, въ отзывахъ, поданныхъ начальству, — считаю не лишнимъ еще передать нѣчто, на судъ общества, изъ нашей городской жизни. Нѣкоторые, изъ числа тѣхъ личностей, кои на все смотрятъ съ своей узкой точки зрѣнія, — разсуждаютъ слѣдующимъ образомъ: «нѣтъ слова, что духовенство

«сельское нуждается въ улучшеніи домашняго быта, а что касается до духовенства городскаго, то оно может оставаться въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ находится теперь».

Я не стану ничего говорить за другихъ городскихъ священниковъ, а скажу только о духовествѣ нашего — знаменитаго древностію и многочисленностію еврейскаго населенія — ссарицка города Переяслава. — Говоря, по чистой правдѣ, мы городскіе духовные — гораздо болѣе, чѣмъ сельскіе, нуждаемая во всемъ, начиная съ самыхъ мелкихъ житейскихъ потребностей, до необходимо нужныхъ въ хозяйственномъ быту домашнихъ животныхъ. Сельскій священникъ имѣетъ все это у себя подъ рукою; сельскій хозяйливый священникъ имѣетъ у себя, во первыхъ, хорошій огородъ, на которомъ въ изобиліи растутъ: картофель, фасоль, лукъ, огурцы, капуста, салатъ, хрѣнъ, рѣдька, свекла и проч.; — во вторыхъ, — имѣетъ у себя все то, что на селѣ собственно называется хозяйствомъ, т. е. лошадей, воловъ и прочихъ животныхъ, какъ полезныхъ и необходимыхъ въ житейскомъ быту, — имѣетъ порядочную скирду хлѣба, нѣсколько копъ соломы, нѣсколько сажени дровъ и все прочее — необходимое для нуждъ и потребностей житейскихъ. Все это, говорю, почти каждый изъ сельскаго духовенства, болѣе или менѣе, имѣетъ у себя дома — подъ рукою. А посмотрите на нашего городскаго священника, — взгляните въ его домашній бытъ и вы тогда узнаете: имѣетъ ли онъ все то, что есть у сельскаго священника? Признаюсь, что у нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ и у меня, изъ нашего городскаго духовенства нѣтъ почти ничего. Всѣ съѣстные припасы а также солому и дрова, — все это наше духовенство, за неизмѣнимъ, должно покупать на наличныя день-

ги. Хорошо, еслибъ хоть деньги всегда водились въ карманъ, а что прикажете дѣлать, когда ихъ нѣтъ? — Гдѣжь, скажите пожалуйста, взять нашему городскому причту столько денегъ, сколько ему нужно для удовлетворенія всѣхъ насущныхъ потребностей, которыя теперь стали такъ дороги? Изъ какихъ источниковъ, прикажете, извлекать ему этотъ жизненный матеріалъ, безъ котораго можно сдѣлаться нищимъ, безъ котораго можно очень нерѣдко быть и холоднымъ и голоднымъ? Жалованье наши городскіе причты получаютъ не всѣ; да и что такое это седмикласное жалованье? Объ немъ нѣчего и распространяться: оно тоже для причта, что капля для моря. Доходы, получаемые причтомъ, крайне скудны и недостаточны; ихъ далеко не хватаетъ для покрытія всѣхъ нашихъ необходимыхъ расходовъ. По неволѣ приходится — поклониться какому-нибудь отродю древняго Израиля съ покорною просьбой: отпусти-ка, дискать, — намъ — малую толику въ долгъ, а мы тебѣ — честному еврею — съ лихвой воздадимъ!

Сказавъ нѣсколько словъ вообще о нашемъ городскомъ духовенствѣ, я хочу теперь высказать кое-что собственно о себѣ

Я поступилъ на приходъ, въ которомъ и теперь священствую, въ ноябрѣ 1861 года. Съ первыхъ дней моего поступленія на этотъ приходъ, я почувствовалъ, что житье мое здѣсь будетъ не радостное. Меня, впрочемъ, утѣшала надежда, что, можетъ быть, городской приходъ доставляетъ порядочный доходъ; поелику мнѣ извѣстно было и прежде, что при той церкви, гдѣ мнѣ суждено священствовать, — жалованья не положено; руги нѣтъ и никакихъ другихъ источниковъ, которыми могъ бы пользоваться причтъ, нѣтъ. Но когда я прожилъ весь слѣдующій 1862-й годъ, въ про-

долженія котораго аккуратно записывалъ всѣ случавшіеся доходы, то собственнымъ опытомъ убѣдился, что мои доходы очень и очень скудны. Въ этомъ году я получилъ, какъ значилось по запискамъ, всего 80 руб. 25 коп. серебромъ. Въ прошломъ 1863 году я опять началъ было записывать свои доходы, но подъ конецъ года пересталъ; такъ мало утѣшающій результатъ моихъ записокъ отбилъ у меня всякую охоту продолжать дѣло! Причина малочисленности и незначительности моихъ доходовъ будетъ очевидна изъ ниже-сказаннаго. У меня въ приходѣ жителей всего обоего пола 600 съ лишнимъ душъ. Всѣ прихожане живутъ въ самомъ городѣ, а не на хуторахъ, которыхъ при нашей церкви нѣтъ;—они состоятъ изъ мѣщанъ, казенныхъ крестьянъ нѣсколькихъ семействъ бѣдныхъ козаковъ и нѣсколькихъ лицъ, такъ называемыхъ, мелкопомѣстныхъ дворянъ — старыхъ отставныхъ служакъ. Всѣ прихожане, изъ простаго сословія, болѣе или менѣе народъ бѣдный — зарабатывающій себѣ кусокъ хлѣба трудами рукъ своихъ; прихожане же изъ высшаго сословія тоже небогатый народъ и, по обычаю, мало обращающій вниманія на нужды своего священника. Послѣ этого и не удивительно, что когда случаются какія нибудь требоисправленія, то прихожане приносятъ за исполненіе оныхъ весьма малую лепту. Такъ напр., за панихиду платятъ, вообще для всего причта, отъ 5-ти до 15 коп., за молебень — отъ 15 до 25 к., за погребеніе отъ 20 до 75 коп., а иногда и рубль, что случается рѣдко; за вѣнчаніе отъ 2 до 6 руб. серебромъ. Болѣе 6-ти руб. за вѣнчаніе я, проживши уже два съ лишнимъ года на приходѣ,—ни отъ кого не получалъ, по большей части за вѣнчаніе платятъ 3 р., какъ бы по таксъ. Браковъ же въ моемъ приходѣ было въ 1862-мъ году 9-ть, а въ прошломъ

1863-мъ году всего 7-мъ.— Сюда нужно еще причислить доходы, собираемые мною, съ чрезвычайнымъ утомленіемъ, во время хожденія для чтенія молитвы предъ святками, а равно и на святкахъ—во время хожденія съ крестомъ и крошилomъ. Цифра этихъ доходовъ простирается отъ 10 до 20 рублей серебромъ. Вотъ и всѣ наши пресловутые городскіе доходы, такъ соблазняющіе нашу сельскую братію!

Еслибъ получалось нами доходовъ и въ три раза больше того, что я, по всей справедливости, выставилъ выше, то все-таки этого недостаточно было бы причту городскому для удовлетворенія всѣхъ нуждъ и потребностей домашнихъ.

Изъ написаннаго видно, что жить въ нашемъ приходѣ одними незначительными доходами, рѣшительно нѣтъ никакой возможности. Лѣтъ 20 и 25 назадъ, когда въ этомъ приходѣ жили нѣкоторые благодѣтельные люди *, щедро благотворившіе и причту и церкви,—можно было жить причту безбѣдно. Теперь же, когда изъ фамилии тѣхъ благодѣтелей не осталось ни одного въ живыхъ, когда въ слѣдствіе частыхъ опустошительныхъ пожаровъ, многіе изъ лучшихъ прихожанъ совершенно, можно сказать, раззорились и обнищали, въ настоящее время причту здѣшней церкви приходится терпѣть нужду повсемъ. Не знаю, какъ бы я могъ жить на этомъ приходѣ, еслибы не несъ учительской должности, которая доставляетъ мнѣ каждаго мѣсячно вѣрныхъ 10 рублей съ копейками. Хоть это трудовое жалованье слишкомъ мало, но оно мнѣ много помогаетъ; не будь его, я не прожилъ бы и одного дня безъ долгу. Еще слава Богу, что я избавленъ отъ печальной необходимости панимать квартиру, такъ-какъ живу въ тестевомъ домѣ; это большое счастье въ моемъ быту.

* Докторъ-помѣщикъ Стаховскій съ семействомъ Капцевичевыхъ.

Еще нѣсколько словъ о моихъ причетникахъ. Причетники, несущіе со мною бремя служенія въ этомъ приходѣ, — суть настоящіе горемыки. Причетниковъ въ нашемъ приходѣ два: дьячекъ и пономарь; оба они люди молодые и круглыя сироты, заброшенныя судьбою на приходъ, въ которомъ суждено имъ учиться терпѣнію и переносить различныя лишенія. За неимѣніемъ церковнаго помѣщенія, они поставлены въ горькую необходимость нанимать квартиры съ платежемъ въ годъ отъ 20 до 30 рублей серебромъ. Въ слѣдствіе этого у нихъ не достаетъ уже средствъ — имѣть приличную одежду: они и зимой ходятъ въ той самой одеждѣ, въ какой ходили лѣтомъ; однимъ словомъ: причетники страдаютъ отъ холода, а иногда и отъ голода, если случается, что, и въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, не бываетъ никакого дохода. По причинѣ такой бѣдственной жизни причта въ этомъ приходѣ, у насъ нѣсколько лѣтъ сряду не было дьячка. Дьячекъ же, опредѣленный къ нашей церкви въ іюль мѣсяцъ прошлаго года, проживъ здѣсь мѣсяцевъ два, хотѣлъ было перемѣститься, но ему было отказано; впрочемъ онъ и теперь ищетъ случая, при первой возможности, ускользнуть куда нибудь на село. Пономарь, проживъ въ этомъ приходѣ около 6-ти лѣтъ и испытавъ всевозможныя лишенія, подалъ уже Епархіальному Начальству прошеніе о перемѣщеніи. Если не улучшится быть причта нашей церкви, то едва ли кто согласится въ этомъ приходѣ подвергать себя лишеніямъ и нуждѣ.

Священникъ І. Трипольскій.

Г. Переяславъ.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Поученіе сказанное въ церкви Полтавскаго Института при выпускѣ 1864 года, 31 мая. II. Нѣкоторыя соображенія о средствахъ къ устройству и болѣе пригодномъ мѣстѣ для училища дѣвицъ духовнаго званія въ Полтавской Епархіи. III. О народномъ русскомъ повѣрьи, связанномъ съ именемъ пророка Иліи. IV. Нѣсколько словъ о жизни духовенства одного уѣзднаго города Полтавской Епархіи.

Редакторъ, Прот. П. Думитрашко.

Печатать позволено. 1864 г. Августа 1-го дн. Цензоръ, Прот. Катрановъ.

ПОЛТАВА. Въ типографіи Н. Пигуренко.